

ГЛАВА 1

ДИАГНОЗ

К тому времени, когда меня направили в отделение абдоминальной хирургии в клинике Университета Дьюка, я похудела уже почти на 14 кг. Через каждые два часа меня скручивало от острой боли в желудке. За последние несколько месяцев боль настигала меня с такой частотой, что у меня даже сложился маленький ритуал: дотянуться правой рукой до ближайшей стены, зажать желудок левой, закрыть глаза и застыть в молчании. Когда боль унималась, я дотягивалась до сумки, залпом отпивала из гигантской бутылки противокислотного средства, выпрямляла спину и продолжала заниматься своими делами. Наверняка со стороны это выглядело жутковато, но это было лучшее, на что я была способна, притворяясь на протяжении уже долгого времени. Но сейчас я устала притворяться. Я с опаской взглянула на доктора, когда он зашел в маленькую смотровую, где мы с моим мужем Тобаном ожидали приема. Он тяжело опустился на стул, вздыхая так, как будто уже был чем-то раздражен.

Затем он сказал:

— В общем, я посмотрел ваши последние анализы, и они не дают исчерпывающего представления.

— Я не понимаю, — запротестовала я. — Я думала, что последние анализы показали, что, возможно, все дело в моем желчном пузыре.

— До конца это еще неясно, — отрезал он.

— То есть вы не готовы меня оперировать?

— Послушайте, нет никаких гарантий, что мы на верном пути даже в случае операции. Я могу вынуть ваш желчный пузырь, а вы будете страдать от боли так же, как и сейчас. Добавьте к этому болезненность операции и прочие сопряженные с ней сложности.

Я сделала глубокий вдох.

— Я не знаю, что мне сделать, чтобы вы или другие врачи обратили на меня внимание. Я прошла всех ваших специалистов, но уже три месяца я лезу на стенку от боли, и больше я так не могу.

— Послушайте, — начал он так, как будто готовился повторить все сказанное по второму кругу. — Диагноз очень невнятный, и мы дошли до его самой мутной части. Опять же, я могу удалить вам желчный пузырь, но я не знаю, что вы хотите от меня услышать.

— Я хочу, чтобы вы сказали, что не будете исключать возможность операции на желчном пу-

зыре и не отправите меня обратно домой. Никто не пытается мне помочь, а я больше так просто не могу!

Мое как отчаяние прорывалось наружу.

— Мне очень жаль, — сказал врач.

Мы сидели, уставившись друг на друга.

— Я остаюсь, — сказала я громко. — Я останусь здесь до тех пор, пока вы не отправите меня еще на одно обследование.

— Ладно. Пусть будет так, — сказал он, недовольно закатив глаза.

Он выписал мне направление на компьютерную томографию, и я почувствовала легкое успокоение. Они там найдут что-то неопасное, и дело на этом закончится. Сейчас главное подготовиться к операции, ничего серьезного.

Я у себя в офисе, шагаю по беговой дорожке, просматриваю свои свежие научные публикации, когда раздается звонок телефона.

— Добрый день, Кейт слушает.

Звонит Джен, сотрудница клиники. У нее заготовлена небольшая речь, но мой мозг то фокусируется на ее словах, то перестает улавливать их смысл. Я слышу, что она говорит, но не понимаю. Проблема не желчном пузыре, это я улавливаю. И теперь она повсюду.

— Что теперь повсюду? — переспрашиваю я.

— Раковая опухоль. — Я слушаю шум клинки и голоса на том конце провода. — Миссис Боулер?

Я рассеянно подношу телефон обратно к уху.

— Да, слушаю.

— Нам нужно, чтобы вы незамедлительно приехали в клинику.

— Да-да, конечно.

Мне нужно позвонить Тобану.

— Мэм?

— Да, разумеется. Я все поняла. Я сейчас же приеду.

— Я отправлю кого-нибудь, чтобы встретить вас внизу. Мэм?

— Да, да, — говорю я едва слышно. — У меня есть сын. Просто все дело в том, что у меня есть сын.

— Да, — отвечает Джен, — я очень сочувствую. — Она делает паузу. Я представляю, как она стоит возле телефона, пролистывая истории болезни. Скорее всего, у нее на очереди звонки другим пациентам. — Но нам нужно, чтобы вы поскорее приехали к нам.

«Бог хороший, Он справедлив?»

Этот вопрос мне однажды задал один нескладный, массивный норвежец в очереди в университетской столовой.

— Полагаю, что да, — ответила я ему тогда. — Но сейчас семь утра, и я ужасно хочу есть. А сейчас я задумалась: есть ли Богу вообще дело до нас?

Одна из моих любимых историй, рассказанных проповедниками идеологии процветания, принадлежит одной необычной паре телеевангелистов Глории Коупленд и ее мужу Кеннету. Глория, даже когда ей было за семьдесят, выглядела как звезда рынка недвижимости, а ее муж, истинный техасец, неизменно производил впечатление человека, который зашел к вам после неспешного дня отдыха на ранчо. Не одно десятилетие они заполняли вечерние часы телеэфира своими речами, а книжные полки магазинов христианской литературы — книгами, обучавшими искусству изобильной жизни. Они ожидали, что Бог будет не просто справедлив, а что божья милость прольется на них обильным дождем. Поэтому, по словам Глории, когда угроза торнадо нависла над их домом, они ночью вышли на веранду, чтобы встретить стихию лицом к лицу. Они долго молились вслух, прося Бога защитить их дом и, на всякий случай, дома сосе-

дей тоже. И тогда, рассказывают супруги, буря отступила и прошла другим маршрутом. Эта картинка так и стоит у меня перед глазами: двое из богатейших христиан планеты размахивают кулаками, угрожая небесам и протестуя против Справедливого Господа.

В конце концов какой отец, когда сын просит у него хлеба, подаст ему камень?

Запрос на справедливость — одна из главных составляющих американской мечты, где в концепцию успеха входят еще упорный труд, решимость и, может быть, небольшие стартовые вложения. Где бы я ни жила в Северной Америке, мне везде пытались продать историю о бесконечном горизонте возможностей и совокупности личных качеств, необходимых для движения к цели. Историю о причитающихся правах и полномочиях. Тщательно выверенные расчеты о положенных благах, которые подсчитаны с такой же скрупулезностью, с какой мы с сестрой вели учет сладостей, полученных на Хэллоуин. В этом мире я заслуживаю то, что получаю. Я зарабатываю себе на жизнь и берегу свои накопления. В мире справедливости ничего из того, что попало к нам в руки, не может от нас уйти.

Я вышла замуж в двадцать, когда была фантастически глупа. Правда, у меня хватило ума выбрать

в мужа Тобана, потому что однозначно в конечном итоге это решение стало одним из самых здравых в моей жизни. Но, возможно, я все-таки была довольно глупа, потому что я все же не осознавала, что Тобан принадлежит к такому роду прекрасных объектов инвестирования, которые растут в цене, но для вас они как бы слишком хороши. Его можно сравнить с недвижимостью у моря, в то время как меня бы устроила и квартира в пригороде. Двадцать лет назад, однако, я главным образом думала о том, как он хорош собой, как здорово он объясняет все тонкости катания на скейте и никогда не теряет самообладания.

А теперь он врывается в мой офис, порывисто обнимает меня, и я обрушиваю на него лавину слов:

— Я всегда тебя любила, всегда-всегда. Пожалуйста, позаботься о нашем сыне.

— Я обещаю тебе! Обещаю! — говорит он сквозь слезы, и я знаю, что это правда. Но правда нам уже вряд ли поможет.

Я звоню родителям по дороге в больницу, для этого мне приходится сделать остановку. Тобан на улице берет меня под руку, чтобы я не упала. Нас обоих здесь нет, мы где-то далеко-далеко, балансируем между настоящим и прошлым.

Я говорю родителям, чтобы они присели, и сообщаю им о том, что я получила известие о раке и что мои перспективы не радужные.

— Ты должна отдать нам Зака! Тебе надо переписать завещание! — в запале бросает мама, у нее дрожит голос. По случайному совпадению я до этого как раз занималась составлением договора страхования жизни, которого я теперь лишусь, так как страховая компания узнает, что у меня рак, и отклонит мой иск. Но сейчас моя мама сбита с толку. Ее дочь внезапно умирает, а значит, рушится и весь мир. В отчаянии она пытается спасти то, что остается после меня: мой сын.

— Тобан будет жить, мама. Зак может остаться с ним, — говорю я мягко.

— Да... да, конечно... прости меня. Милая, извини меня, пожалуйста, — говорит мама, и я слышу ее решительное желание быть мне опорой, но она плачет. Они сейчас в Торонто, в гостях у сестры Эми, но уже скоро мы встретимся. Я увижу отца в больнице за минуту до начала операции, он широкой походкой зайдет ко мне в палату. Он возьмет меня за руку одной рукой, а другой погладит по голове. Мой отец, неуязвимый великан, который ни разу не расплачется из-за моего диагноза. Много чести — позволить

болезни испортить жизнь его дочери и загубить ее будущее.

Я звоню сестрам, и они покорно садятся, чтобы выслушать новости. От избытка нахлынувших чувств мы путаемся в словах. Потом я набираю номер подруги. Кэтрин сидит на трибуне и смотрит игру команды «Вандербильт». Через мгновение она запрыгнет в машину и, сначала покричав в лобовое стекло, преодолеет целый штат, чтобы оказаться рядом со мной в больнице. Когда я проснусь после операции, она будет рядом со мной, но мой затуманенный мозг не вспомнит, что я и не просила ее приезжать. Она просто знала, что нужна мне. Кэтрин будет спать на больничном стуле рядом со мной, притворившись, что ей удобно, и по-деловому решит все вопросы с медсестрой, которая все время отказывается приносить мне ледяную крошку.

Но пока я все еще сижу перед операцией в палате больницы Университета Дюка, уставившись на руки, лежащие на коленях. Рядом со мной на кровати аккуратно сложенный больничный халат синего цвета, а звуки больничной аппаратуры напоминают трескотню сверчков, заполонивших всю комнату. Впервые после того, как мне поставили диагноз несколько часов назад, я оста-

лась одна, и события продолжают разворачиваться с неумолимой скоростью. Тобан помчался домой, чтобы рассказать нашей няне обо всем, что происходит. Вся моя семья еще в пути, и мне ничего не остается, как сидеть, уставившись на свое любимое белое платье с оборками и цветами. Я люблю это платье. Я не могу его снять. Я в нем хожу преподавать.

Приезжают мои друзья Джонатан и Бет. Джонатан врывается в палату и стискивает меня в крепких объятиях. Оба плюхаются на больничную койку, глядя на меня с состраданием и ужасом.

— Я попрошу вас сжечь вот это, — наконец говорю я, раздраженно указывая на платье. — Я больше не могу на него смотреть. Та жизнь окончена. — Я пытаюсь балансировать между истерикой и юмором. — Меня можно назвать самой счастливой девушкой на планете...

Я пытаюсь натужно изображать оптимизм, но вспоминаю о Заке. Слова превращаются в горькие всхлипывания. Рыдания скручивают меня пополам. Я крепко зажмуриваю заплаканные глаза и пытаюсь отрезать себя от мира.

— Я просто не знаю, — продолжаю я. — Я просто не знаю, что мне делать.

— Умереть, — тихо произносит Бет.

Я не знаю, был ли это вопрос или констатация факта, но я перестаю плакать. Ее слова — отвесная скала, и я, стоя на вершине, смотрю вниз. Джонатан пытается приободрить меня, заполнить пустоту и воссоздать мир, каким он был раньше, но я не могу думать ни о чем, кроме как о том единственном слове, которое произнесла Бет. Умереть. Это невозможно. Это невозможная мысль. Я думала, что моя жизнь только началась, но теперь я должна созерцать ее внезапное завершение. Я должна вообразить умирание моего бурлящего рассудка, замедление дыхания, затонувшее судно — мое тело, в котором сейчас бьется мое сердце. Но еще хуже, что мне надо представить финал того, что я создала, — семьи.

У меня было два прекрасных момента в жизни. Первый — это день нашей свадьбы: мы с Тобаном выбегаем из церкви, распахивая двери, и, затаив дыхание, замираем на пороге — только он и я, муж и жена, которые уставились друг на друга, как полные идиоты. А второй момент был в тот день, когда мне впервые дали Зака на руки, и мы посмотрели друг на друга взглядом заговорщиков, скрепленным взаимным обожанием. Вот об этом было невозможно думать. Вот то, без чего мне не жить. Я не могу представить себе мир, где я буду не с ними. Мир, где меня не будет.

Джонатан и Бэт читают надо мной длинную молитву, потом кладут руки мне на голову, благословляют и целуют мои мокрые щеки перед тем, как уйти. Я прошу Бэт задержаться на минуту. Я снимаю платье, и Бэт помогает мне надеть халат, я неуклюже завязываю его на спине, пока она со мной. Я отдаю ей платье. Она знает, что надо сделать.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Диагноз	13
Глава 2. Живое доказательство	27
Глава 3. Волшебные фокусы	47
Глава 4. Всему свое время	59
Глава 5. Покорность	79
Глава 6. Рождественская радость	123
Глава 7. Уверенность	147
Глава 8. Возрождение	173
Глава 9. Обычное время	193
Приложения	
Приложение 1	227
Приложение 2	230
Заключительное публичное объявление для всех, кто страдает в настоящее время . . .	235
Благодарности	236